

Л. В. Коростелева

**ЭКСТРЕМИСТСКИЙ ДИСКУРС: ПРИЗНАКИ, ИЛЛОКУЦИЯ,
ПРАГМАТИКА**

L. V. Korosteleva

EXTREMIST DISCOURSE: FEATURES, ILLOCUTION, PRAGMATICS

Описание общих признаков речевых произведений экстремистского содержания, их прагматического потенциала явилось обобщением опыта экспертного исследования такого рода речевых произведений, являющихся результатом особого вида коммуникации, которая предполагает формирование у адресата радикального мировоззрения. Материалом для исследования послужили печатные и аудиоматериалы, обнаруженные в социальной сети «ВКонтакте» или изъятые в жилых помещениях. Исследование архитектоники текста, когнитивный анализ речевых произведений экстремистского содержания, а также сопоставительный анализ юридических и лингвистических дефиниций экстремизм и экстремистский текст позволяет определить понятие экстремистского дискурса, его прагматические цели, привести классификацию речевых жанров, наиболее часто функционирующих в структуре экстремистского дискурса.

The description of the general features of speech productions that has extremist contents, their pragmatic potential was the summary of the experience of the study of this kind of speech productions, which is the result of a special kind of communication. This communication forms from the recipient's radical worldview. The research material was printed and audio materials, which is found in social network "VKontakte" or withdrawn in dwellings. A study of the architectonics of the text, cognitive analysis of verbal productions of extremist content, as well as comparative analysis of law and linguistic definitions of extremism and extremist text allows defining extremist discourse, its pragmatic purpose, to bring the classification of speech genres, most often functioning in the structure of extremist discourse.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистский дискурс, призыв, социально-политический и религиозный вид коммуникации.

Keywords: extremism, extremist discourse, invocation, socio-political and religious form of communication.

Развитие юрислингвистики и судебной лингвистической экспертизы обусловило рост интереса к научному описанию речевых произведений экстремистского содержания. Существуют противоречивые мнения о статусе понятия «речевое произведение экстремистского содержания». Л. М. Голиков, описывая семиотику экстремистского текста, определяет его как «инвективный креолизованный текст, который организуется в единое пространство знаками-символами, преимущественно языковыми, обладает многоуровневой синтаксической структурой, пропозициональным содержанием, основанным на оппозиции «Идеал» – «Враг», имеет коммуникативное намерение принудить адресата выполнить определенные действия и/или сформировать определенное внутреннее убеждение адресата» [3]. Антонова Ю. А., Веснина Л. Е., Ворошилова М. Б. и др. в монографии «Экстремистский текст и деструктивная личность» в большей степени останавливаются только на определении понятия экстремизм, как приверженности к крайним взглядам, связанным с мировоззрением человека и ассоциирующимся с понятиями «терроризм», «национализм», «насилие» и др.; дают данному понятию скорее психологическое определение, нежели лингвистическое [5, с. 7–17]. К. И. Бринев, в свою очередь, придерживается следующего тезиса: «экспертное описание речевого произведения не зависит от определений экстремизма в юриспруденции» [1].

В аспекте судебной коммуникации исследуются идеологические установки, идущие в разрез с законодательством РФ, экстремизм изучается не столько как приверженность к крайним взглядам, основой которых являются национализм, религия, социально-политическая идеология, сколько как дискурсивная деятельность, а экстремист, в свою очередь, – как дискурсивная личность. Однако, притом, что научных исследований посвященных различным аспектам речевых произведений экстремистского содержания немало, существование понятия «экстремистский дискурс» так и остается неопределенным.

Вербальный экстремизм – это особый вид экстремистской деятельности, который преследует, как правило, политические цели, реализуемые различными средствами и методами, с использованием различных агитационно-пропагандистских возможностей влияния на массовую аудиторию. Появляются группировки, пытающиеся привлечь как можно больше людей к своей идеологии по средствам речевого воздействия. Речевые произведения, носящие экстремистский характер, становятся массово доступными и являются достаточно сильным орудием вербовки людей.

Основываясь на тезисе о том, что «экстремизм законодательно можно “зафиксировать” только тогда, когда крайние формы политического мышления переходят в “экстремизм действия”» [5, с. 11], можно выделить два вида вербального экстремизма: бытовой (мировоззренческий) и юридический (политико-организационный). Первый предполагает выражение радикальных убеждений, мнений, взглядов, сформированных, личным опытом и не попадает под правовое регулирование (напр.: я ненавижу турок); второй – публичные действия, в том числе и речевые, вызванные радикальным мышлением (напр.: лозунги. Долой Кавказ из России! Очистим Россию от хачей! представляют собой речевые действия призыва к выселению лиц по национальному признаку, сопровождаемые оскорблением). Публичность является одним из важных признаков политико-организационного экстремизма, поскольку экстремистские действия и материалы, согласно ст. 1 Федерального закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности», – это «предназначенные для обнародования документы либо информация» либо распространение таких материалов.

При проведении лингвистической экспертизы речевого произведения на предмет наличия/отсутствия в его содержании признаков экстремизма, перед лингвистом-экспертом ставится вполне четкая задача: выявление фактов, свидетельствующих о наличии или отсутствии в содержании речевого произведения признаков вербальной экстремистской деятельности.

Основой для выявления данных фактов является Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», где выделено 13 видов деяний, рассматриваемых как экстремистские. На основании этих признаков и с учетом комментариев, представленных в методических рекомендациях по выявлению признаков экстремизма [4], выделим речевые действия, носящие экстремистский характер:

- 1) призывы к революции, к восстанию, к неповиновению законно избранной власти;
- 2) призывы к незаконному, в том числе насильственному отделению от России ее отдельных регионов;
- 3) призывы к насильственным акциям с целью оказать давление на органы власти и общественное мнение для проведения решения в свою пользу;
- 4) призывы к убийству, избиению или выселению лиц определенной национальности или вероисповедания;
- 5) высказывания, направленные на возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- 6) пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- 7) систематические публичные высказывания, направленные на внедрение в общественное сознание идей и формирование установок, связанных с превосходством либо неполноценностью человека по признаку его социальной, расовой, национальной,

религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

8) призывы изменить объем гражданских прав и обязанностей лица или унижать национальное достоинство иной этнорелигиозной группы.

Наличие в юридической науке конкретных форм проявления экстремизма может дать основу для определения признаков экстремистского дискурса, наиболее важным из которых является его публичность. К лингвистическим признакам экстремистского дискурса можно отнести:

1. Наличие языковых средств, выражающих негативные, унижительные характеристики в адрес какой-либо этнической, расовой, религиозной группы или ее представителей. К такого рода языковым средствам можно отнести слова или словосочетания, имеющие отрицательную эмоциональную окраску: жаргонные языковые средства, формирующие негативные, оскорбительные характеристики в адрес представителей национальных и расовых групп: хачи, жиды, нигеры, религиозных групп, не принадлежащих к Исламу: *кяфир, неверные*; зоосемантические метафоры: *эти проклятые свиньи и обезьяны будут прятаться под своих женщин, за эти деревья, которые в Кадисе сказаны, за ними прятаться будут эти евреи* и др.

2. Наличие языковых средств, выражающих отрицательные эмоциональные оценки и формирующих негативные установки в адрес какой-либо этнической, расовой, религиозной группы или ее представителей. К таким средствам можно отнести лексику, имеющую отрицательную оценочность: *проклятый, подлый, хануги, противозаконный*; в исламистской литературе для выражения отрицательной оценки иноверцев (не мусульман) и неверующих характеризуют как *неверных, притеснителей*, используется лексема *враг*.

3. Наличие лингвистических средств, имплицитно или эксплицитно побуждающих каким-либо действиям против определенной нации, расы, религии, напр.: *Пусть же сражаются на пути Аллаха те, кто покупают за ближайшую жизнь Грядущую; Поистине Аллаха купил у верующих их души и их достояние за то, что им – рай! Они сражаются на пути Аллаха, убивают и бьются, убиты (брошюра «Дусийа»); бей хачей!* (лозунг на листовке). В данном высказывании призыв выражается грамматическими средствами: формой *пусть* + глагол 3 лица множественного числа *сражаются*. Лозунг *«Укропию – мочить!»* содержит насмешливую характеристику Украины и подразумевает призыв к уничтожению Украины, предположительно к уничтожению жителей или государственной власти Украины.

Экстремистские речевые высказывания оцениваются в юрислингвистике как социально-политический и/или религиозный вид коммуникации, где коммуниканты – носители или распространители определенной идеологии, которая может быть общественно значимой в рамках конкретного социума (националистические группировки (скинхеды) или террористические сообщества (партия Хизб-ут-Тахрир). Идеологические установки данных социумов различны, следовательно, содержание речевых произведений будет иметь различное наполнение, обусловленное их коммуникативной направленностью и интенции ей автора речевого произведения. При этом их объединяет наличие высказываний, направленных на возбуждение национальной или религиозной розни; пропагандирующих превосходство либо неполноценность одной нации или религии; формирующих установки, связанные с превосходством либо неполноценностью человека по признаку его национальной или религиозной принадлежности, напр.: *«Россия для русских!»*, *«Россия будет русской или безлюдной»* – данные высказывания являются лозунгами скинхедов, смысл которых заключается в том, что другие представители других наций недостойны, жить в России. *«Все белые люди равны. Родится маленький немец в России – он будет русским, он даже не будет знать, что он немец. Родится нигер в России – он все равно будет тупым нигером. Это примерно как обезьяну пытаться научить, что-то делать»* – данные высказывания направлены на пропаганду исключительности, превосходства представителей «белой расы» над так называемыми «нигерами», а также на пропаганду неполноценности последних.

Таким образом, если рассматривать речевые произведения, носящие экстремистский характер, как речевую деятельность, разворачивающуюся во времени и реализующуюся в пространстве, прагматика которой оценивается как противоправная в соответствии с ФЗ «Об экстремистской деятельности», можно говорить о наличии такого понятия как экстремистский дискурс, целью которого является: 1) сообщение сведений, имеющих какой-либо признак экстремистской деятельности; 2) убеждение в истинности тех сведений, которые сообщаются; 3) призывы к действиям экстремистского характера.

Целенаправленность экстремистского дискурса, его воздействующая функция, которая заключается в имплицитном и эксплицитном побуждении адресата к определенному действию путем убеждения, обещания, угрозы и т. д. [5, с. 31], а также признаки экстремистской речевой деятельности, дают возможность представить жанровую классификацию экстремистского дискурса:

1) призыв – агитационно-пропагандистские высказывания социально-политического и религиозного характера;

2) убеждение (внушение) – внедрение в общественное сознание идей и формирование установок асоциального, антиполитического и псевдорелигиозного характера;

3) обещание – высказывания, дающие надежду на лучшую жизнь при ином политическом строе в рамках нового государства, при выселении или уничтожении народов определенных национальностей и т. д.;

4) угроза – высказывания, вселяющие беспокойство, страх;

5) просьба – вежливое обращение, призывающее сделать что-либо;

6) оскорбление – негативная информация, унижительные характеристики кого-либо.

Наиболее частотным речевым жанром являются призывы. В Методике по выявлению экстремизма О. В. Зелениной и П. Е. Сулонова выделяются следующие призывы к экстремистской деятельности, попадающие под правовое регулирование: процесс целенаправленного воздействия государства на общественные отношения при помощи специальных юридических средств и методов, которые направлены на их стабилизацию и упорядочивание: 1) к революции, к восстанию, к неповиновению законно избранной власти; 2) к незаконному, в том числе насильственному отделению от России ее отдельных регионов; 3) к насильственным акциям с целью оказать давление на органы власти и общественное мнение для проведения решения в свою пользу; 4) к убийству, избиению или выселению лиц определенной национальности или вероисповедания, организация, совершение или подстрекательство к таковым действиям; 5) к изменению объема гражданских прав и обязанностей лица или унижению национального достоинства иной этнорелигиозной группы [4].

Перечисленные выше речевые жанры, как правило, носят информационный характер; не существуют в структуре дискурса изолированно: могут использоваться в экстремистском дискурсе последовательно, вытекать один из другого: сначала сообщение о том, что лица кавказской национальности – враги, затем – призыв к их уничтожению; угроза, что Крым будет выкуплен кавказскими мигрантами, затем призыв к свержению существующей государственной власти. Последовательность речевых жанров определяет структуру экстремистского дискурса. Религиозно-политический дискурс, как правило, начинается с речевого жанра убеждения в необходимости поклонения исключительно Аллаху, сопровождающегося такими средствами речевого воздействия, как апелляция к авторитетному источнику, которым является Коран, внушением в сознание адресата идей о необходимости создания государства Халифат, о несостоятельности других религий, их враждебности по отношению к мусульманам, затем может сменяться речевым жанром угрозы в гневе Аллаха по отношению к несправедным мусульманам, убеждением в необходимости сражаться на пути Аллаха с неверными и заканчивается призывами к джихаду, как священной войне.

При анализе прагматического аспекта экстремистского дискурса в процесс исследования вовлекается дискурсивная и коммуникативная личность, идеологические

установки которой необходимо учитывать, поскольку именно в них реализуется интенция говорящего:

- 1) дать информацию определенного идеологического характера;
- 2) формировать установки экстремистского характера;
- 3) побудить к совершению экстремистских действий.

Прагматический потенциал экстремистского дискурса определяется индивидуально-психологическими свойствами субъекта, опытом его жизни, психическим состоянием, обусловлен коммуникативными целями адресанта и может быть направлен на распространение идей о создании «чистой нации», государства Халифат, распространении исламской (мусульманской) религии во всем мире. Прагматика таких текстов псевдоконструктивна, поскольку противоречит Федеральному закону РФ.

Экстремистский дискурс, как правило, либо не имеет обращения вообще, либо обращен к определенной группе людей, например, объединенной по религиозному или национальному признаку («Дорогие мусульмане!», «Русские, очнитесь!») или к близкому человеку, единомышленнику («Друзья!», «Братья!»).

Наиболее популярным способом формирования нетерпимого отношения является «язык вражды», в основе которого лежит противопоставление понятий «свой – чужой», «друг – враг», «мы – они». Исследование «языка вражды» показало, что в нашем обществе отсутствуют традиции морального осуждения такого освещения событий. «Язык вражды» воспринимается как норма политической и социальной жизни, хотя и не совсем приятная норма. Адресатом такого рода дискурса является потенциальный единомышленник (т. е. «друг», «свой», «брат»), который будет некритически воспринимать информацию. Таким образом, любая авторская оценка описываемых явлений или ситуаций, будет однозначно оцениваться аудиторией единомышленников как единственно возможное отношение.

Обобщая вышесказанное, экстремистский дискурс можно определить как публичные идеологически мотивированные высказывания социально-политического и/или религиозного содержания, обращенные к потенциальному единомышленнику и ориентированные на психологическое влияние средствами языка. Целью экстремистского дискурса является пропаганда социального насилия и призывы к агрессивным действиям против государственной власти или определенной части общества; экстремистский дискурс формирует экстремистские идеологические установки, провоцирует на противоправную деятельность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бринев, К. И.** Судебная лингвистическая экспертиза спорных речевых произведений, содержащих признаки экстремизма / К. И. Бринев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. Филологические науки. – 2009. – No 7 (41). – С. 35–39.

2. **Бринев, К. И.** Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / К. И. Бринев; под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: АлтГПА, 2009.

3. **Голиков, Л. М.** Семиотика экстремистского текста / Л. М. Голиков // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика (конференция 2012 года). – Режим доступа: http://konference.siberiaexpert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/golikov_l_m_semiotika_ehkstremistskogo_teksta/5-1-0-137

4. **Зеленина, О. В.** Методика выявления признаков. Процессуальные исследования (экспертизы) аудио-, видео - и печатных материалов: научно-практическое пособие экстремизма / О. В. Зеленина, П. Е. Суслонов. – Екатеринбург, 2009.

5. **Экстремистский текст и деструктивная личность:** моногр. / Ю. А. Антонова [и др.]; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2014. – 276 с.